

Торопливое решение большой задачи

М. ПАПАВА

Не так давно в списках лауреатов, получивших Сталинскую премию за прозу, можно было прочесть фамилию молодого украинского писателя А. Гончара. Его роман «Знаменосцы» обратил на себя внимание патристической строгостью повествования, атмосферой высокой моральной чистоты, окружавшей его героев, своеобразным авторским голосом.

Свидетель и участник беспримерного похода Советской Армии на Дунай и через Альпы, Гончар увидел высокое мужество, духовную зрелость и уверенное достоинство советских воинов, освободивших Европу от ита фашизма.

Романтическая возлюбленность повествования, лирические отступления, а порой острый публицистический комментарий автора, самораскрытие героев в диалогах, азы фронтальных вех, временами вторгавшиеся в ткань событий, — все это придавало «Знаменосцам» свой особый колорит.

Естественен поэтому тот интерес и даже восхищение, с которым мы раскрыли новую повесть А. Гончара «Земля гудит».

Писатель поставил перед собой почетную задачу — рассказать о героическом походе комсомольцев Полтавы в период немецкой оккупации.

Молодая девушка — Яля Убийвовк, дочь полтавского врача, стала организатором и руководителем молодежного подполья в городе. Подобно сказочным красавицам, Яля и ее товарищи совершали отважные дела: раскрывали листовки, принимали участие в сбегах диссидентов, и, подобно красавицам, мужественно и бесстрашно встречали смерть.

В своей повести А. Гончар последовательно, шаг за шагом, рассказывает боевую историю организации молодых подпольщиков. Сама события, о которых повествует писатель, настолько волнующие, что судьбы героев книги немаловажно захватывают читателя. Автору, безусловно, удалось отдаленные эпизоды, картины, сцены в творчестве. Проникновенный и вместе с тем жгуче-правдивый образ девушки Марии, прозванной Веселухой. Радует оптимистическое, жизнеутверждающее звучание книги в целом. Все это делает повесть А. Гончара произведением несомненно нужным, и мы уверены в том, что повесть будет читать эту книгу с искренней симпатией и любовью во всех странах.

Естественно, что «Земля гудит» встретилась с трудом в украинской печати, как одно из первых произведений украинской литературы о героической борьбе комсомольцев в годы Великой Отечественной войны.

Однако нам кажется, что крайне важно указать молодому писателю на те недостатки, которые есть в его книге, потому что они могут помешать его дальнейшему творческому росту.

По нашему мнению, вторая книга А. Гончара значительно ниже возможностей этого одаренного писателя.

Есть в повести следы торопливости, желание поскорее сделать второй шаг и, что самое главное, губительное для молодого писателя стремление броситься, как ему кажется, пользоваться суммой готовых трюков, стать удачно найденных в первой книге.

В «Знаменосцах», увлеченные полнотой романтической возлюбленности повествования, мы пропустили некоторые издержки литературной манеры Гончара. В новой вещи нет этого единого дыхания. Романтическая приподнятость в ней по-прежнему перестает быть чувством писателя, а становится только его литературной манерой.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предостало восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении повествовательности достоверности характеров героев. Повзвиг полтавских комсомольцев и их успешные жизни не задерживают внимания. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы в биографии своих героев.

Лих подпольщиков — Сергея Ильевского и Яли.

Сергей. Я дам тебе почитать одну книгу... Яля. Что за книга?

Сергей. О Чингиз-хане. Я обратил внимание на то, что покерные мы народы буквально вымирали, парализовались духовно, чувствовали себя обреченными на вечное рабство.

Яля. Это очень интересно. Над этим стоит подумать, Сергеечка. Потому, что если с нами, с нашими людьми ничего подобного не случилось, то здесь, значит, действует какая-то противоборствующая сила, гигантская сила... Все живут, настраивают уми на Восток: не гудит ли? Не приближается ли? Слово там все время действует какой-то резервуар... Огромный духовный резервуар, и его осеменяющие дыхание сильными потоками доносится в себя...

Сергей. Это ты здорово подметила... Вот откуда у наших людей такой оптимизм... Не чувствуется у нас все-таки беспросветного мрака...

Яля. Как во всеобщей, в макрокосмосе: среди безграничной темноты — бесконечные солнца, солнца, солнца! И такие солнца, что окунаешь в них марку!

Сергей. А кто же мы с тобой, Яля? Яля. Мы пока что маленькие, молодые звезды.

Мы привели столь подробно этот разговор потому, что он в достаточной мере характеризует манеру Гончара в этой вещи. По существу, автор распределяет свои тезисы-мысли между двумя персонажами, называя их в то же время и своим методом мышления. В результате вместо простого и искреннего разговора возникает ощущение, что собеседники как бы заранее подготовили и прорепетировали свой диалог.

Ложная роль, в которую поставил автор своих героев, приводит их к новому самолюбанию. Яля торжественно называет себя «маленькой звездой». Это не поднимает, а разрушает образ вожака молодого поколения.

В своем желании приписать происхождение событий, Гончар иногда приходит к выводу и романтически бессознательно. Автору удалось опознать, ртутью, как красные звезды советского самолета впервые появляются над оккупированной Полтавой. Но, желая еще больше приподнять эту сцену, он заставляет летящую над обстрелом маленьких самолетов, рискуя жизнью, пролетать фигуры высшего пилотажа. Это нужно, как повод для патетического комментария: «Этот полет был поистине праздником молодого духа, широй крепостью силы, залогом будущей победы над Берлином. То был предвосток величайшей победы».

Нас, признавая, тревожит этот заранее обдуманный рациональный романтизм А. Гончара в новой его повести. Нас тревожит и та поспешность в работе автора над книгой, в результате которой многие события выглядят в ней недостаточно художественно убедительными.

Это тревожит и читателя, обычно тонко улавливающего всякую манерность, отсутствие мотивировки тех или иных поступков героев или недостаточную убедительность описаний. Так, читатель «Итературной газеты» гг. Савосич и Руднев в письмах в редакцию указывают на упрощенность и схематизм отдельных положений и образов в новой повести А. Гончара. Тов. Савосич считает, что А. Гончар, располагая только основными данными, естественно и закономерно восполнял пробелы своим воображением, однако, недостаточно омыслил материал и не «выжжал» в него. Так же справедливо он критикует язык перевода повести, упрекает редакцию журнала «Земля», которая не указала автору на недостатки произведения.

«Мне кажется, — заканчивает тов. Савосич свое письмо, — А. Гончар должен доработать свою повесть, чтобы дожить в нее душу. Автор «Знаменосцев» может это сделать».

Доволен читатель — большая честь для писателя. Он объясняет это кому? Писателю же, что молодой писатель, заслуженно завоевавший это доверие своей первой книгой, снижает уровень требований к самому себе и второпях выпустил недоработанную вещь.

Велико значение новостройки под Севаном. По толпам, проложенным строительными, пойдет вода, которая орошит на своем пути тысячи гектаров земель. Трудовой строительской ГЭС будет преобразована жизнь многих районов Армении.

Известно, что древний голубой Севан любим и почитан многими поэтами. Стихи о Севане можно было бы называть томами. Но вот возникает новый, еще небывавший Севан, совсем не похожий на все то, чем он был в недавнем прошлом. Какое же отражение это находит в литературе сейчас, в наши дни? Парадоксально, но факт: писатели Армении с удивительным, мало-попытным «стойким» продолжают воспевать Севан теми же словами, как во все и десять веков назад, теми же старыми, давно поблекшими эпитетами!

Для А. Грини — Севан все еще только «синий кош, полный сказочными армянскими легендами». Для С. Таронци — Севан — прежде всего «дар небесный, духовная религия, где блуждают бесшумные вековые неземные языческие боги». В стихотворении «Севан» он сообщает:

Кажется мне, шагаю с дельфином, — Их души мною руководят.

Восьмой номер журнала «Советская графическая армия» за прошлый год напечатано стихотворение А. Грини «Битва с миром». Автор как будто забыл целую отовзвать на тему современности — показать последнюю строительную.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Восьмой номер журнала «Советская графическая армия» за прошлый год напечатано стихотворение А. Грини «Битва с миром». Автор как будто забыл целую отовзвать на тему современности — показать последнюю строительную.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ушах ушах, слышит, он кажется ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой разговаривает, что там, в ушах, закладывает фундамент новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Письма из Армении

1. О правде жизненной и правде мнимой

Недавно мне довелось побывать в одном из районов Армении — Нор-Базарета. Наша писательская бригада высказалась на весенний сев. С первых же дней общения с колхозниками и все чаще думаю о нашей армянской современной литературе.

Один факт больше всего поразили меня — может быть потому, что в нем наиболее полно концентрировалось удивление. В селе Кармир расположен колхоз «Спартак». До войны он считался одним из самых богатых хозяйств, особенно по выработке зерновых культур. Государство всегда сужало ему зерно.

Когда лет десять назад спрашивали колхозника Ахона Джраганяна — почему «спартаковцы» постоянно отстают, почему живут за счет государства, он отвечал: — Малоземелье у нас, ничего не поддается...

Его поддерживал и Хачатур Вартамян и Сисак Егоян. А Драстамат Саркисян проклиная своих делов и правдою за то, что, когда-то поселился здесь, на этой суровой, каменистой земле.

И вот с колхозом произошло почти невероятное. Уже в годы войны он поднялся так, что и наши армянские прозвонили в своем творчестве пошла вперед. Они стремились показать грозные испытания, которые победоносно выдержал колхозный строй; пытались нарисовать облик армянского, самоотверженно заменившего в тылу мужей, братьев, сыновей, ушедших на фронт. Конечно, такая правдивость и замыслы хороши. Но между замыслами и воплощением образовался разрыв. Теперь все яснее становится, что во многих наших произведениях вместо жизненной правды есть правда мнимая.

Г. Бес — один из тех наших писателей, которые стремятся отразить современную колхозную жизнь, новые черты характера рядовых колхозников. Работа Беса в этой области значительна, и поэтому естественно обратиться прежде всего к ней.

С первого взгляда все в его произведениях как будто значительно и благополучно: изображаются колхозные будни в дни войны, борьба людей за высокий урожай, их мысли и переживания. Но достаточно отвести этот обманчивый внешний покров, как предстанет убожество содержания некоторых рассказов.

Рассказ «Жена» повествует о том, как в родное село возвращается инвалид войны Гурген. Несмотря на несколько лет разлуки, его жена Арике избегает с ним встречи. Объяснение, наконец, все же происходит. В финале рассказа выясняется, что Арике, не имея известий о муже, вышла замуж за другого, тоже инвалида войны, в Гурген прижизненно с этим.

Как видим, «конфликт» незначителен и банален. По этому мало. Страннее, что все помыслы героя сосредоточены на собственном доме и личном благополучии, а жизнь колхоза его не интересует.

В рассказе нет ни слова о том, чем, какими успехами встретил Гурген колхозники в послевоенную пору. Они, озабоченные только личной бедой Гургена, тоже забывают говорить о своей работе.

Герой другого рассказа — старик Гало. В этом образе, действительно, дано немало интересных, оригинальных свойств, характерных для армянского колхозника. Гало — человек государственного склада ума, его интересуют не только дела колхоза, он считает себя вправе

узнать у секретаря райкома и о том, почему отстает местный колхозник; он строго укоряет председателя колхоза за игнорирование руководства работой; он идет в военкомат с требованием немедленно назначить пенсию жене фронтовика.

Но и этого колхозника мы видим в рассказе, как сказать, «единственным», ибо он лишен кровной связи с колхозом. Совершенно не сказано, какую роль играет он — как, впрочем, и другие колхозники — в подеме артельного хозяйства. В том же образ героя предпринесен «готовый вид». Меньше было бы причина укорять автора, если б его герой был молодым человеком, выросшим и воспитанным в условиях колхозного строя. Тогда каждый шаг героя можно в какой-то мере объяснить даже вопреки тому, что многое о нем не сказано. Совершенно иначе дело обстоит с Гало. В его образе интереснее видеть то, как этот старик поднялся до уровня государственного мышления, как пришел он к социалистическому сознанию? Но ответа на этот вопрос в рассказе нет.

В произведениях наших писателей часто нарушается необходимое соотношение общего и частного. Общее, в лучшем случае, служит только малообобщенным серым фоном, на котором происходит изобретение частного — интимных чувств и поступков героя. А иногда нет даже и фона; автор любит свои герои, решительно изгоняя его от себя, от других людей.

И потому — не слишком ли много стариков! Даже в рассказах военного времени, когда роль стариков действительно возросла, как-то игнорируется роль женщин, молодежи, детей, совершающих трудовые подвиги. Я не помню ни одного рассказа армянской прозы, в котором рассказывался бы образ колхозника — коммуниста или комсомольца, наконец, школьника-пролетария. Между тем, жизнь ежедневно и красноречиво указывает на их значительную роль в колхозе «Красный Октябрь», а помолвка, например, с 19-летним сельским, который за получение большого урожая удостоен ордена Ленина. А разве это единственный пример?

Наши писатели проходят мимо таких истинно типических явлений.

Некоторые из них и сами чувствуют, что колхозную жизнь, новое в ней, они знают слабо. Но вместо того, чтобы узнать лучше, выбирают другую «выдумку». Они, как, например, М. Аскарян, откровенно и нарочито увлекаются описанием старой деревенской армянской деревни. Другое — изображение подлинной сегодняшней действительности подменяют домыслами: колхозной тематикой «обрамляют» старые сентиментальные и нивалические любовные истории. Сколько бы, например, ни было лирики и теплоты в книге В. Сабраманя «Исправление», не трудно увидеть, что тут за счет колхозной тематики протаскиваются совершенно не относящиеся к ней печальные и слащавые рассказы об интимных переживаниях неких богатых существ. «Подпольные слезы», «Двадцать лет», «Возвращение детства» — уже одна эти обветшалые заглавия рассказов красноречиво говорят о себе.

Как все это далеко от сегодняшней деревни! Гурген вышел, но от него не ушли: немало произведений наизусть армянские писатели о колхозах, но колхозная современность в ее неустанном росте и обогащении по-прежнему для них пока не раскрыта.

Александр АРАКСЯН

2. Вдали от современности

В Армении, под озером Севан, сооружается первая в Советском Союзе подземная гидроэлектростанция. Там, в глубине земных недр, идет необычное строительство, ставшее университетом новых кадров. Недалеко отсюда, пришедшие сюда, — теперь прокладывают, кропотливо, монтажники, бетонщики. Не только новые их профессии, — сама эта работа производится на основе новейшей техники.

Велико значение новостройки под Севаном. По толпам, проложенным строительными, пойдет вода, которая орошит

